

УДК 130.2, 321.01

DOI: 10.21146/1606-6251-2025-3/4-69-80

А.М. Соколов

ИСТОРИОСОФИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

***Аннотация:** Историсофия, в отличие от классической философии истории, открывает и задает перспективное видение развитие общества. В историсофской развертке мира как упорядоченного бытия настоящее является не столько завершением или свершением прошлого в его тотальности, сколько истоком и основанием будущего. Другими словами, в историсофии проблематизируется не прошлое, а будущее. Для историсофского понимания жизни общества важно не только истолкование прошлого по отношению к настоящему, но и теоретическое усмотрение-обоснование целостного образа, идеи будущего, примиряющего очевидные противоречия неопределенного, несовершенного настоящего.*

Историсофская точка зрения исходит из осознания собственного несовершенства. Именно оно выступает залогом потенциального его осуществления в будущем. Победа советского народа в Великой Отечественной войне в контексте русско-российского самосознания предстает как ключевое со-бытие мировой истории, проясняющий ее смысловое содержание на ближайшую цивилизационную перспективу.

***Ключевые слова:** историсофия, философия истории, цивилизационная инициатива, Н.Я. Данилевский, глобальная цивилизация, мировая война, Великая Отечественная война, Советский Союз, антибуржуазная стратегия.*

Соколов Алексей Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург). E-mail: a.m.sokolov@spbu.ru

Уточнение понятия «историософия». В академической среде историософию обычно отождествляют с философией истории, предполагая в них синонимическое отношение. Между тем, терминологическое различие было бы бесполезным и даже вредным умножением сущностей, умаляющим достоинство философского знания. Тем не менее, как известно, впервые слово «историософия» было использовано А. Чешковским в диссертации «Пролегомена к историософии», защищенной в Берлине 1838 г., именно в синонимическом соответствии гегелевской «философии истории».

И, по-видимому, во многом благодаря неокантианской критике гегельянства, позже в понятии «историософия» были открыты новые смыслы. Не вдаваясь в детали семантической и методологической трансформации понятия, исчерпывающе изложенной в работах Н.И. Безлепкина, А.В. Малинова, А.С. Панарина, О.Ф. Русаковой и др., нельзя не вернуться к пониманию историософии нашим выдающимся исследователем древностей Н.И. Кареевым.

Надо полагать, что его историко-методологические исследования способствовали не только тому, что историософия стала одним из ключевых элементов русской философской традиции, но и обрела на её почве особый смысл, подчеркивающий антропологическую суть исторического процесса. Так, в его сочинении «Философия, история и теория прогресса» читаем: «Историософия естественно становится на антропологическую точку зрения, ибо и на самом деле человек — центр мира истории, через которого и для которого происходит все совершающееся в истории» [4, 228].

В.В. Зеньковский, отмечая историософическую направленность русской философии, имел в виду, конечно же, ее изначально эсхатологический настрой. Эту особенность русской философии, как известно, подмечал и Н.А. Бердяев, констатируя ее религиозное наполнение. Но историософия настолько философична, насколько она устраняет мистический элемент из предмета своего интереса.

Философия же в России начинается, а по сути, и разворачивается, в первую очередь и по преимуществу как историософия. И связано это с тем местом, которое Россия определяет себе в

развитии мирового сообщества. И если в начале своего исторического пути в «Слове о Законе и Благодати» Илариона Киевского, а позже, в период духовного и политического возрождения на рубеже XV-XVI вв. в повествовании старца Филофея о «Москве – третьем Риме», мистический элемент не мог не превалять, то во второй половине девятнадцатого столетия и позже его присутствие могло быть оправдано только специфической мировоззренческой интуиции, лежащей в основании национального самосознания народа России. Притом, что сама эта интуиция должна была быть рационально истолкована в контексте оформления нового цивилизационного статуса России.

К историософии России. Историософия России – это опыт постижения смысла многовекового опыта не спланированного, а самобытного сплочения разрозненных земель и разобщенных народов в целостность цивилизационного разнообразия, главной предпосылкой которого, согласно Н.Я. Данилевскому, является политическая независимость, или государственность.

Государство – это внутреннее, регулярное самоопределение единства земли и народа. В первое тысячелетие своей истории Россия не только создавала собственное государство. В определенном смысле она защитила государственность Грузии, Армении, и даже Польши. Россия способствовала восстановлению греческой, сербской, болгарской независимости. В девятнадцатом веке не кто иной как Россия построила с нуля государственность Финляндии. И в советский период истории России, пожалуй, впервые, был осуществлен опыт интернациональной политической самодеятельности русских, татар, грузин, казахов, осетин, бурят, калмыков, узбеков и других, невероятным образом сплотившихся народов, в ответ на изощренно планируемую интервенцию буржуазного империализма с целью окончательного подчинения и включения их в капиталистическую систему.

Россия в полной мере вступила в историю человечества как раз в тот «период-момент», когда эта история фактически стала всемирной. В середине XIX столетия сложилась глобальная капиталистическая система, что позитивно предвосхитил в своей классической «Философии истории» Г.В.Ф. Гегель, а критически продекларировали в «Манифесте коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс. А чуть позже в знаменитом многотом-

ном исследовании они же, по сути, изложили онтологию мира как систему капитала. Тем самым они одновременно зафиксировали «чудо» всемирно-исторической состоятельности буржуазной цивилизации и закономерность ее гибели. В 1867 г. появился первый том «Капитала».

А в 1869 г. вышла книга Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». На первый взгляд, кажется, что эти события между собой не имеют ничего общего. Тем не менее, общее есть, и весьма существенное. Оба исследования касаются начала кризиса современности. У Маркса – кризиса капиталистической, буржуазной системы. У Данилевского – кризиса, а точнее упадка, западной цивилизации в буржуазном её завершении. Причем для Данилевского проблема носит не отвлеченно-объективистский, преимущественно теоретический характер. Мысль русского философа проникнута глубочайшим экзистенциально-духовным переживанием. Или иначе: мысль Данилевского захвачена не просто объективной исторической реальностью; она захвачена отечеством, которое впервые вводится в круг проблем мировой философии.

Можно сказать, что глубоко личное переживание о судьбе Родины разворачивается в систематическое учение о России, философию «Русского мира». Более того, «Россию и Европу» Н.Я. Данилевского без преувеличения можно назвать первой философской системой в России, которую после него только развивали, дополняли, уточняли, но в каждом случае имея в виду самостоятельную цивилизационную перспективу России.

Как мы знаем, событием, которое непосредственно подвигло Данилевского к написанию своего сочинения, была Крымская война, давшая практический и недвусмысленный, но не для всех очевидный ответ на вопрос, разделивший русскую интеллектуальную элиту на славянофилов и западников: Европа ли Россия? И не для того ли чтобы прояснить очевидность «неевропейскости» России Данилевский предпринял свое фундаментальное исследование? Крымская же война в широком историческом контексте проявила не только антагонистическую враждебность Европы к России, но и – начало цивилизационного надлома Запада.

Первая по-настоящему мировая война, которую сегодня некоторые историки вполне резонно называют «нулевой мировой»

была развязана против России европейскими державами; Россия была втянута в нее Западом, не только уже вступившим на магистральный путь капиталистического доминирования, но и узнавшим о своей печальной, хоть еще отделенной перспективе. Мир капитала, метафизические основания которого прекрасно были предугаданы еще Т. Гоббсом — «война всех против всех», или «война каждого против каждого» — к середине XIX века ожидаемо достиг предела своего внутреннего развития и неожиданно — предела развития внешнего. Этим пределом стал необъятный край России с его неисчислимыми богатствами и народом, великодушие которого тоже не знало предела. Им и была объявлена война — мировая война мирового капитала. Ответ на вопрос — почему так произошло? — не входит в задачу написания данной статьи. Но, между прочим, следует отметить, что причина в кардинальных различиях принципов, на которых выстроен мир буржуазного Запада, и выстраивается русский мир.

Так же как Эллада некогда рождалась в сражениях с восточной деспотией, как Римская Империя — в борьбе с мощью Карфагена, Россия вступила в мировую историю смертельным противостоянием с постхристианским, буржуазным Западом. И сегодня можно сказать, что этот процесс находится в самом разгаре.

Таким образом, вхождение России в мировую историю длится уже более 170 лет. Начиная с Крымской войны, Русский мир является непреодолимым препятствием на пути западного империализма к мировому господству. Поражение в первых двух войнах (Крымской и той, которую в Европе и Америке называют Великой войной) ставили наше отечество на грань колониальной зависимости от Запада. И только Октябрьская революция стала шансом для России выйти на путь независимого от Запада цивилизационного развития, осуществления собственной цивилизационной стратегии. Не будет преувеличением даже утверждать, что впервые более чем за тысячелетие история России перешла от реактивной фазы ответов на вызовы норманнов, Византии, Орды и собственно буржуазного Запада в активную фазу цивилизационной инициативы.

Противостояние с Западом как перманентный процесс. Учитывая обширность территории, вошедшей в состав нашей страны, малую пригодность ее для благополучного проживания и

быстрого освоения, разнообразие народов на ней проживающих и регулярные нашествия не только со стороны варваров, но и со стороны «носителей цивилизации», трудно представить, каким образом оказалось возможным добиться здесь устойчивости и продуктивного взаимодействия.

Драматизм истории современного буржуазного мира связан с тем, что его видимая целостность и универсальность находятся в неразрешимом противоречии с его же внутренним расколом и раздробленностью. Расколом на метрополию и периферию и раздробленностью колониальной периферии. Ведь цивилизационная политика буржуазии в продолжение почти всего ее доминирования выражалась и выражается до настоящего времени в искусно-искусственном разделении территорий и столкновении народов. И то, что делала Россия, у нее всегда вызывало неприязненное отторжение, «обосновываемое» в логике близкого ей колониального нарратива: Россия — тюрьма народов.

Революционные же преобразования в России, начавшиеся после октябрьских событий 1917 г., были страшны буржуазному цивилизованному сознанию не только непредсказуемостью, но и тем, что они вызвали цепную реакцию планетарного масштаба: Китай, Центральная Европа, Индия, Центральная Азия, Латинская Америка. Внутрироссийская борьба с псевдонациональной буржуазией была близка к тому, чтобы перерасти в единый международный фронт против мирового капитала. Социальные и экономические достижения, совершенные благодаря именно интеграционной политике, с несомненной очевидностью свидетельствовали в пользу преимущества новой цивилизационной стратегии. И казалось, что остановить ее может только война — проверенный метод «цивилизационного» регулирования. Война была развязана с целью все того же расчленения России, а вместе с тем рассечения организовывающегося вокруг нее сопротивления. Но случилось так, что войну начали одни, а закончили — другие. А ее ход и ее результаты оказались совсем не такими, какими они виделись в ее начале.

Вторая мировая война как цивилизационный вызов России. Величие победы. Собственно буржуазный вызов представлял собой и до сих пор представляет перманентное сражение, в третьем раунде которого Россия впервые перехватила инициативу,

выйдя победителем в Великой Отечественной войне. Следствиями этой победы стали стремительный экономический рост, технологический рывок, развитие социальной сферы (особенно образования и здравоохранения), огромный международный авторитет Советского Союза. Но предпосылкой всех достижений было народное единство, преодолевшее враждебную разобщенность людей, вызванную не только потрясениями революции и гражданской войны, но и — произволом прежних властителей.

Первым и, наверное, главным для нас результатом победы в Великой Отечественной войне было достижение и удержание национального единства, несмотря на необозримую бескрайность земли и разнообразие (национально-этническое, конфессиональное, языковое, классовое, идейное) народа. Было впервые достигнуто подлинное национальное единство народов, осознавших свое братство в «общем деле» борьбы со смертельной угрозой.

Фактически нашей победой буржуазный Запад был принужден к признанию не только новой модели глобальной политической системы, но и к признанию такого типа государства, сущность которого для него была не постижима и потому страшна. Союз Советских Социалистических Республик был непостижим и страшен не потому, что он был социалистическим. В конце концов, социализм — идея, рожденная западным сознанием. СССР был непостижим союзностью национальных республик, союзом народов, которые Западом не относились к разряду белых людей, «белокурых бестий» и рассматривались в лучшем случае как периферия мировой культуры.

Но не менее важным результатом в общемировом масштабе было распространение стратегии, альтернативной буржуазной, не просто политической, но именно цивилизационной. Ее центром стал выстоявший и победивший в мировой войне Советский Союз — исторический наследник тысячелетней России.

Война, во-первых, это — всегда подведение итогов. В определенном смысле 1945 год можно считать фактическим началом завершения цивилизационно-исторического сосредоточения русско-российского мира. Неслучайно, целевой установкой борьбы советского народа в Великой Отечественной войне было уничтожение фашизма как цивилизационного феномена в целом и разгром фашистской, гитлеровской Германии, в частности. Ведь в

феномене фашизма сконцентрирована идейная эссенция буржуазного господства, исповедующего принцип «разделяй и властвуй».

Война, во-вторых, в случае победы — это еще и наметка исторической перспективы, подтвержденной нравственным превосходством над противником — превосходством, прежде всего, в организации, что невозможно без внятной артикуляции ценностных императивов и указании целевых ориентиров. Наш идейно-ценностный императив определялся стремлением народа реализовывать собственную цивилизационную стратегию, соответствующую нравственным принципам, оформившимся в течение тысячелетней истории страны.

Историософия Великой Победы. И, в связи с этим, возвращаясь к историософскому сюжету данного исследования, хочется привести суждение, заостряющее внимание на этом важном мировоззренческом и методологическом обстоятельстве: «Историософия все более предстает как такой вид философской рефлексии над историей, для которого характерно заострение внимания на проблемах своеобразия национально-исторической судьбы страны, народа. Акценты в этих концепциях смещаются от общемировых, общечеловеческих тенденций, к — национальным» [2, 125]. С этим можно согласиться лишь в той части, которая относится к возрастанию национальной истории.

Что касается «общемировых тенденций», то здесь хотелось бы подчеркнуть, что во все времена смысл истории улавливался и транслировался совершенно определенной нацией, содержание которой почти никогда не сводилось к моноэтничности, тем более — «к расовой чистоте». Национал-социализм можно считать радикальным рецидивом буржуазно-империалистической (германской, романской, саксонской) сегрегации, знаменующей ее закат. Отсюда с неизбежностью встает вопрос о дальнейшем ходе истории.

Историософичность России предпослана, с одной стороны, непрерывностью истории как таковой. С другой стороны, Россия уже более полутора веков активно включена в противостояние с уходящей в прошлое эпохой. И так случилось, что наш национальный интерес здесь совпадает с интересом всего мирового сообщества. И хотя с начала девяностых годов прошлого века и до самого недавнего времени у нас не было принято вспо-

минать о том, что в лице фашистской Германии наша страна имела дело не с каким-то политическим режимом, случившимся по какому-то историческому недоразумению, или вследствие недалёковидности руководителей мировых держав, а мы имели дело с капиталистическим империализмом и ни с чем более. Мы имели дело с западной цивилизацией в ее кристаллическом, правда, еще не тотальном проявлении. Именно поэтому разгром гитлеровской Германии был обязательным, но не достаточным успехом в борьбе с фашизмом — капиталистическим империализмом.

События, захватывающие мир с конца 90-х годов прошлого века — наглядное тому подтверждение. Когда-то идеологически маскируемый романо-германский этнорасизм переродился в тотальный антропонилизм, в систематическую криминализацию человека, вытеснение его на периферию жизненного пространства. Захват и эксплуатация природных и трудовых ресурсов под видом цивилизационного патронажа («бремя белого человека») над колониальными странами сегодня перерос в захват интеллектуального, экзистенциального уровня бытия самого «белого человека».

В связи со всем сказанным на память приходит песня на слова Михаила Матусовского, сегодня воспринимающиеся прощескими:

*«Было много трудных дней
Будет много трудных дней
Значит рано подводить итоги
Вот встретились мы с ней.
Вот и свиделись мы с ней
Где-то на проселочной дороге».*

Как известно, проселочная дорога начинается с тропы, тропинки, выводящей из чаши с потаенными местами, где «на неведомых дорожках, следы невиданных зверей». И многие проселочные дороги уводят, к вечным распутьям, на которых прекрасные витязи превращаются в банальных распутников. Иногда проселочные дороги, конечно, выводят на магистральные пути, но они — почти всегда чужие. Свой путь — есть продолжение и преображение своего проселка. В нашем случае этот проселок настолько велик, что мало кто в мире мог принять его таким,

каков он есть в его величии, и посметь, отважиться, попытаться превратить его в магистраль, соответствующую его масштабу. И капиталистическому Западу он оказался не по зубам ни в середине XIX века, ни в середине века XX, ни, смею надеяться, сегодня.

*«Только несколько минут,
Только несколько минут
Между нами длилась та беседа.
Как скажи, тебя зовут? Как скажи, тебя зовут?
И она ответила — Победа!»*

И нам важно помнить, что встреча и начавшаяся «беседа» о Победе в 1945 году, в самом деле, по историческим меркам «длилась» всего лишь «несколько минут». И причина, очевидно, в том, что, начиная с середины 1960-х годов, т.е. всего через двадцать лет после окончания войны путь победителей стал казаться нам ошибочным, только потому, что нам было гораздо труднее его осваивать, чем тем, кого мы победили, на их уже давно сработанной еще «рамами Рима» магистрали.

Мы посчитали, что правильнее, потому что проще, свернуть со своего пути, полагая, что нас примут в ряды чуждого нам марша. Нас приняли. И только к 2014 г., кажется, мы, наконец-то, осознали, куда нас этот марш привел. Но осознали ли мы, каковы истинные причины нашего очередного разрыва с Европой?

Как не вспомнить здесь слова Н.Я. Данилевского: «Европа не признает нас своими. Она видит в России... нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т.д., материалом, который можно бы формировать и обдирать по образу и подобию своему. Европа видит поэтому в Руси... не только чуждое, но и враждебное начало» [3, 65-66].

Нас отвергает не Европа, а ее буржуазный извод. И за 1418 дней войны наш народ это прочувствовал всем своим нутром. Память об этом является строжнейшим нашим национальным самосознанием. Нам не надо никого уничтожать, нам надо оберегать себя и защищаться так же, как когда-то Эллада защищала себя от Персии, Рим — от Карфагена, а Вена — от турок-османов.

Вместо заключения. Историсофия, в отличие от классической философии истории, открывает и задает перспективное ви-

дение развитие общества. В историсофской развертке мира как упорядоченного бытия настоящее является не столько завершением, или свершением, прошлого в его тотальности, сколько истоком и основанием будущего. Другими словами, в историсофии проблематизируется не прошлое, а будущее. Для историсофского понимания жизни общества важно не только, а, может, и не столько истолкование прошлого по отношению к настоящему, сколько теоретическое усмотрение-обоснование (или созерцание) целостного образа будущего, т.е. идеи будущего, примиряющего очевидные противоречия неопределенного и несовершенного настоящего.

Философия истории исходит из понимания совершенства и завершенности существования человека. Историсофская же точка зрения исходит из острого осознания собственного несовершенства. Именно оно выступает залогом его потенциально длящегося осуществления (но не существования) в будущем, начало которого положено поражением в Крымской войне, а подтверждено победой в Великой Отечественной войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Безлепкин Н.И.* Историсофская традиция в истории отечественной мысли // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2018. – Т. 34. – Вып. 2. – С. 151-164.
2. *Безлепкин Н.И.* От историсофии к философии истории: эволюция взглядов на историю в отечественной философской мысли // Управленческое консультирование. – 2017. – №8. – С. 119-132.
3. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – М.: “Институт русской цивилизации”, 2008. – 814 с.
4. *Кареев Н.И.* Философия, история и теория прогресса // Очерк русской философии истории: Антология. – М., 1996. – С. 219-233.

A.M. Sokolov

HISTORIOSOPHY AND THE CIVILIZATIONAL PROSPECTS OF THE GREAT VICTORY

Sokolov Alexey Mikhailovich – Professor, Department of Social Philosophy and Philosophy of History, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg). E-mail: a.m.sokolov@spbu.ru

Annotation: *Historiosophy, unlike the classical philosophy of history, opens and sets a long-term vision of the development of society. In the historiosophical unfolding of the world as an ordered being, the present is not so much the completion or fulfillment of the past in its totality, as the source and foundation of the future. In other words, historiosophy does not problematize the past, but the future. For a historiosophical understanding of the life of society, it is important not only to interpret the past in relation to the present, but also, theoretically, to substantiate a holistic image, an idea of the future that reconciles the obvious contradictions of an indefinite, imperfect present. The historiosophical point of view proceeds from the awareness of one's own imperfection. It is the key to its potential implementation in the future. The victory of the Soviet people in the Great Patriotic War in the context of the Russian-Russian identity appears as a key event of world history, clarifying its semantic content for the near-term civilizational perspective.*

Keywords: *historiosophy, philosophy of history, N. Danilevsky civilizational initiative, global civilization, World War, Great Patriotic War, Soviet Union, anti-bourgeois strategy.*

REFERENCES

1. Bezlepkin N.I. Istoriosofskaya traditsiya v istorii otechestvennoy mysli // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya. – 2018. – Т. 34. – Вып. 2. – S. 151-164.
2. Bezlepkin N.I. Ot istoriosofii k filosofii istorii: evolyutsiya vzglyadov na istoriyu v otechestvennoy filosofskoy mysli // Upravlencheskoye konsul'tirovaniye. – 2017. – №8. – S. 119-132.
3. Danilevskiy N.Ya. Rossiya i Yevropa. Vzglyad na kul'turnyye i politicheskiye otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu. – M.: "Institut russkoy tsivilizatsii", 2008. – 814 s.
4. Kareyev N.I. Filosofiya, istoriya i teoriya progressa // Ocherk russkoy filosofii istorii: Antologiya. – M., 1996. – S. 219-233.

Поступила в редакцию 29.09.2025 г.